

А.Ю. Зенкова*

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Визуальный поворот

Визуальные исследования (Visual Studies^{**}) как самостоятельное исследовательское направление сформировалось около двадцати пяти лет назад. В. Дж. Т. Митчел, один из ведущих теоретиков VS отмечает, что именно в конце семидесятых в гуманитарных науках произошел настоящий переворот, ознаменовавшийся появлением многочисленных работ, посвященных визуальной культуре. Под эгидой визуальных исследований работают представители различных областей научного знания – философы, антропологи, психологи, искусствоведы, культурологи, политологи и т.д. В качестве дополнения, можно сказать, что примерно в это же время начинает усиленно разрабатываться такое направление, как компьютерная научная визуализация, занимающаяся в основном проектированием интерактивных визуальных сред для решения прикладных научных задач при помощи компьютера, так что интерес к теме визуальности выходит за рамки только гуманитарных исследований.

Возникновение в последнее время в науке огромного числа междисциплинарных областей исследования, примером которой являются и визуальные исследования, побуждает историков и философов науки к осмыслению данной ситуации. Сегодняшнюю ситуацию в сфере институционального структурирования науки можно считать третьим этапом с момента образования науки в современном ее понимании. Если на первом этапе, который считается классическим, существовали достаточно четкие границы, разде-

* *Зенкова Анна Юрьевна* – докторант Института философии и права УрО РАН, кандидат философских наук.

** В дальнейшем VS.

ляющие области отдельных научных дисциплин (таких, как физика, биология, философия, позже к ним добавилась психология и социальные науки и т.д.), число которых было достаточно небольшим. В прошлом веке институциональная структура науки претерпела значительные изменения, которые заключались в раздроблении классических больших отраслей знания на многочисленные мелкие, частные направления, причем узкие специалисты в своей области имели, как правило, лишь общее представление о том, чем занимаются коллеги, работающие в смежных с ними областях. Такова была организация науки на втором этапе.

Междисциплинарность является специфической чертой третьего этапа. Представители отдельных научных направлений, не утрачивая своей принадлежности к определенному научному сообществу, собираются в междисциплинарные локальные сообщества по принципу необходимости объединения для решения определенных задач или исследования отдельных предметных областей, сформировавшихся в результате определенных социальных изменений по требованию времени и нуждающихся в сосредоточении усилий специалистов различных областей научного знания. Например, предметная область исследования подобного типа, собравшая в единое научное сообщество экономистов, культурологов, экологов, математиков и даже астрономов, возникла на основании изучения процессов глобализации. Вполне закономерно, что сообщество специалистов, занимающихся визуальными исследованиями, также можно отнести к такому виду объединения в силу того, что интерес к визуальности спровоцирован определенными социокультурными изменениями, вынесенными на повестку дня вопрос специального изучения визуальной культуры, визуального восприятия, мышления и воображения.

Эти изменения касаются прежде всего заметного усиления роли визуальной информации в социальном пространстве по сравнению с вербальной. В рамках процессов глобализации язык визуальных образов более отвечает насущным задачам межнациональ-

ного общения, а его экономичность, моментальная интуитивная ясность обеспечивает быстроту коммуникативных процессов. В рамках политического контекста господство вербальной информации символизировало тоталитарные режимы в силу нормативного характера текста, визуализация же означает либерализацию коммуникативных отношений в целом. Восприятие визуального образа требует совершенно иных логических операций по сравнению с письменным текстом или устным словом, что снижает критичность мышления, так как картинка дается в целостности одномоментно, ярко и броско, не требуя долгого вчитывания и размышления. В итоге, через господство визуализации происходит эстетизация политики.

Манифестация интереса к визуальности со стороны представителей различных наук, побудила более радикальных исследователей объявить о смене парадигмы в области социально-гуманитарного знания – визуальном повороте, пришедшем на смену повороту лингвистическому. Помимо практических изменений повседневной жизни, касающихся обилия визуальной информации, смена парадигмы обосновывается также ходом развития теоретических наук. Визуальный поворот, каким бы парадоксальным ни казалось это утверждение, был вызван в не в последнюю очередь литературной критической теорией, обозначившей границы вербального в осмыслении нелитературных феноменов. Далее в рамках традиционной дисциплины, занимающейся визуальными образами, – искусствоведения – произошел перелом отношения к искусству как автономной сфере художественного творчества. Во многом это произошло благодаря марксистской и неомарксистской критике, постмодернистскому дискурсу и психоанализу, озаботившимся проблемой детерминации взгляда экономическими, социально-классовыми условиями, культурой и иными, как ранее казалось, «внешними» факторами. Произведение искусства перестало восприниматься как самостоятельное изобретение гения, так как формы или топосы видения ему во многом диктует эпоха и контекст. Помимо этого, искусствоведение столкнулось с «кризисом парадигмы» в куновском понимании

этого термина, оказавшись не в состоянии при помощи традиционных методов описать в качестве искусства возникшие недавно практики, оперирующие визуальными образами, такие, как телевидение, видеоарт, медиа-арт и др.

Тематизация визуальности в философском дискурсе связана с деконструктивной стратегией, анализирующей тайную догматику, скрытую в застывших языковых клише, в подспудной метафоре терминов при тщательном анализе которых обнаруживаются неожиданные расширения смыслов и дотоле скрытые противоречия. Как отметила Ханна Арендт, «в философии мышление всегда осмысливалось посредством видения... Господство зрения настолько глубоко укоренено в греческой речи и как результат в нашем концептуальном языке, что мы редко над этим задумываемся. Это кажется настолько очевидным, что нами не замечается»¹. Действительно, зрение было объявлено самым «авторитетным» способом восприятия мира. Аристотель считает зрение самым «интеллектуальным чувством» и основой познания. Он писал, что на пути к познанию люди влекомы чувственными восприятиями, «их ценят ради них самих, и больше всех зрительные восприятия, ибо видение мы предпочитаем всем остальным восприятиям, не только ради того, чтобы действовать, но и тогда, когда мы не собираемся что-либо делать: зрение больше других чувств содействует нашему познанию и обнаруживает много различий в вещах»². Но философия имела дело, как правило, с «невидимыми сущностями», и обилию визуальных метафор в философском дискурсе традиционно не придавалось концептуального значения. Считалось, что они выполняли лишь иллюстративную роль, изображая отношения между понятиями в процессе мышления. Философский и научный дискурс, основанный на использовании визуальных метафор и соответствующих им способов по-

¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1995.

² Аристотель. Метафизика // Сочинения. В 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 65.

знания, получил название «окуляцентризм», подвергся серьезной критике в рамках анализа базовых предпосылок философии Просвещения, претендовавшей на победу «ясности», «просветленности» разума над «темнотой» и «невежеством».

Работы М. Фуко, Г. Дебора, Ф. Джеймисона напрямую связали доминирование визуального в истории западноевропейского мышления с темой власти, указав на обнаружение власти через способ наблюдения. Способ, каким господствующая идеология или мифология определяет политику репрезентации и интерпретации, обеспечивая социальную воспроизводимость и формирование идентичности субъекта посредством определенных визуальных практик. Вспомним ницшевского «Заратустру», где речь идет о гипертрофии определенных органов у некоторых людей, когда появляются «человек-Ухо», «человек-Глаз» и т.п. Современный человек, следуя логике Ницше, представляет собой гигантский глаз, который превращает само тело вместе со всеми другими органами чувств, в свои придатки. Попытка выйти из этого положения невозможна без историко-философского анализа причин, сделавших такое состояние фундаментальной реальностью нашего времени, а соответственно – без радикальной переоценки магистральной линии европейской метафизики.

В рамках философского дискурса попытки преодоления «окуляроцентризма» предпринимались не раз. Можно вспомнить об «ухе Хайдеггера» (Ж. Деррида), вслушивающегося в бытие, и «носе Розанова», в бытие «внюхивающегося». «Глаз» противопоставляет человека окружающему миру, а впоследствии, содействуя возникновению феномена техники, участвует в уничтожении органического мира; «нос» же, напротив, гармонизирует связи всех уровней мироздания, ибо обоняние, по мнению Розанова, более других органов чувств свидетельствует о единстве человека, животных и богов.

Возможен и другой способ преодоления тайной догматики визуального, который можно предложить из перспективы VS. На-

ивная вера в очевидность и безусловность зримого ставится под вопрос, и «окулярцентристские» термины перестают быть самодостаточными. Митчелл делает вывод о том, что современная философия и наука все в большей мере ориентируются на новую модель мира – мир предстает уже не столько как текст, сколько как образ (например модель ризомы, пространственность и наглядно-визуальный характер которой очевидны). Через образ визуальность дается уже не напрямую, то есть не иллюстративно, а косвенно, метафорическим образом.

Визуальная метафора

Внимание к исследованию метафоричности философского и научного дискурса спровоцировал лингвистический поворот. Традиционно метафора изучалась как составляющая часть различных художественных языков. В последние десятилетия центр тяжести в изучении метафоры переместился из филологии, в которой преобладали анализ и оценка метафоры в поэтическом дискурсе, в область изучения повседневной речи и в те сферы, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию, к концептуальным системам вплоть до моделирования искусственного интеллекта.

Известно резко негативное отношение к использованию метафор в философском и научном дискурсе со стороны критически и рационалистически настроенных философов эпохи Нового времени. Метафоры, по их мнению, должны быть полностью устранены из языка по причине их многозначности, нечеткости и заведомой ложности. Так, Локк считал, что метафорический язык «имеет в виду лишь внушать ложные идеи, возбуждать страсти и тем самым «вводить в заблуждение рассудок и, следовательно, на деле есть чистый: обман. ... И напрасно жаловаться на искусство обмана, если люди находят удовольствие в том, чтобы быть обманутыми»¹. Ницше, напротив,

¹ Локк Дж. Сочинения. В 3 т. Т. 1. М., 1985. С. 567.

считал, что познание в принципе метафорично, оно имеет эстетическую природу и не может опираться на требования истины.

Признание роли метафоры в процессах смыслообразования в языке философии в XX в. является следствием осознания невозможности окончательной формализации философского знания. Между тем, полисеманτικότητα и метафоричность языка философии не противоречат представлениям о его рациональности. Порождение философского дискурса с неизбежностью связано с выходом за пределы уже существующих смыслов и порождением новых. Посредством метафоры объекты, к нам близкие, легко постигаемые, открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям. Таким образом, метафора удлиняет «руку» интеллекта¹. Язык описания, создания новых смыслов или новых феноменов с неизбежностью будет являться метафоричным, так как готовых понятий для их обозначения в языке нет, и придется их именовать метафорически. Однако впоследствии термины и понятия могут утратить структуру метафоры, обязательным условием чего является наличие как минимум двух различных понятий со своими семантическими полями, воспринимаемыми реципиентом именно в качестве различных. Так, например, слово «кандидат» первоначально относилось к человеку, облаченному в белые одежды. Когда гражданин Рима избирался на какую-нибудь муниципальную должность, он предстал перед своими избирателями в белом одеянии. Сейчас кандидатом мы называем любого претендента на должность, независимо от цвета его одежд².

Метафора продолжает работать в качестве таковой до тех пор, пока удерживает это различие. В отличие от строгих и однозначных понятий метафора обладает преимуществом иногда неожиданного и непредсказуемого продуцирования смыслов, тем са-

¹ Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М., 2000. С. 69.

² Этот пример был приведен в работе Ортеги-и-Гассета Х. «Две великие метафоры».

мым как бы наращивая и трансформируя свое смысловое поле. Таким образом, усилия теоретиков VS по исследованию визуальных метафор направлены на восстановление семантического напряжения вокруг маргинальных понятий философского дискурса с целью повышения их эвристического потенциала.

Отдельные теории, сложившиеся в рамках исследований метафоры, находящиеся с одной стороны в состоянии полемического взаимонапряжения, с другой стороны, являются взаимодополняющими. Не разбирая детально, перечислим лишь их основные положения в контексте отношения к визуальности. Сторонники семантической теории метафоры (А. Ричардс, М. Блэк), чье внимание сосредоточено на анализе смысловых структур метафоры и исследовании мыслительных операций, благодаря которым из значений, составляющих метафору понятий, возникает новый смысл, критикуют позиции сторонников субстанциональной концепции смысла¹. Согласно этой концепции, метафорическое выражение всегда употребляется вместо некоторого эквивалентного ему буквального выражения. Сравнительная концепция, представляющая разновидность субституциональной, утверждает, что понятия сравниваются, но опять же не несут ничего нового. Далее в рамках семантической теории разрабатываются концепции трансформации одного из первичных значений в результате действия метафоры и концепции «призмы», согласно которой вспомогательное понятие (стоящее на месте предиката) служит своего рода призмой для нового взгляда на главное понятие. Семантическая теория великолепно объясняет принцип экономичности достижения необходимого значения посредством метафоры, учитывая ее интуитивное понимание или интуитивное считывание кода сопоставления двух первичных понятий, причем визуальная метафора является наилучшим воплощением этого принципа экономии. Сторонник прагматической теории метафоры Рорти, выступая против репрезентативистской точки

¹ Термин М. Блэка.

зрения, считает, что интеллектуальный и нравственный прогресс достигается в ходе выработки полезных *метафор*, а не в ходе истории понимания мира. Если следовать данной теории, то именно визуальные метафоры должны быть признаны наиболее полезными и эффективными в процессе познания, на что указывает их обилие в научном дискурсе. Когнитивная теория метафоры (Лакофф, Маккормак) складывается в определенном смысле на пересечении семантической и прагматической теорий. Согласно позиции ее сторонников, метафора создает для нас определенную схему понимания способа действия с определенными объектами. Именно этот подход лежит в основе такого направления исследования, как компьютерная визуализация¹.

Поль Рикер², которого можно назвать сторонником феноменологической теории метафоры, считает, что информативное ядро процесса восприятия, понимания и создания метафоры, заключено в конституировании смысла посредством семантической роли ощущения и воображения. Метафора создает семантическое пространство для развертывания вышеуказанных процессов. Сами термины, определяющие метафору как фигуру речи, указывают на то, что «в метафоре, как и в других тропах и оборотах речи, речь воссоздает природу тела, показывая формы и черты, которые обычно характеризуют человеческое лицо, «фигуру» человека; это происходит так, как если бы тропы обеспечивали речи квазителесное воплощение». Вслед за болгарским теоретиком Цв. Тодоровым, Рикер определяет «фигуру» как зримость речи. Таким образом, визуальность есть атрибут практически любой метафоры. Так, обращаясь к Аристотелю, Рикер дает понять, что традиция помещения взгляда в основание процесса метафоризации – есть тради-

¹ Авербух В.Л. Метафоры визуализации // Программирование, 2001. № 5. С. 13-17.

² Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. М., 2000.

ция, берущая начало в истоках формирования западноевропейской традиции мышления. Аристотель говорил, что «дар создания хороших метафор связан со способностью *видеть* сходства. Более того, *яркость* метафор заключается в их способности «показывать» смысл, который они выражают»¹. Метафора создает прежде всего новый *взгляд*, новое *видение* предмета, новый способ *смотрения*.

Таким образом, иконический аспект возвращает нас к исходной точке определения метафоры – точке переноса значения, помещая различных по своей природе объектов, говоря словами Аристотеля, «перед нашими глазами». Разнообразие определений метафоричности с неизбежностью сталкивается со способом *совмещения* различного в едином поле создаваемого смыслового напряжения. Именно иконический момент сводит в процессе познания смысловое и чувственное.

*

* *

В качестве небольшого итога можно заметить, что исходя из перспективы визуальных исследований анализ визуальной метафоры в различных типах научного и философского дискурса дает ключ к исследованию процессов смыслообразования в традиционных вербальных типах дискурса, где метафоричность является скрытой и способствует пониманию типа мышления, основанного на визуальных образах.

¹ Аристотель. Поэтика (Об искусстве поэзии) / Под ред. Ф.А. Петровского. М., 1957.